

ЭКЛЕКТИКА ЖАНРА

**ГРОТЕСК И ПРОНИЗИТЕЛЬНАЯ БОЛЬ
ВАЛЕРИЯ БЕЛЯКОВИЧА**

Непревзойденный мастер современной режиссуры, народный артист России Валерий Белякович показал зрителям премьеру спектакля «Гамлет». Это вовсе не хрестоматийная трактовка Шекспира. Скорее яркая психологическая реакция современного человека на низость и предательство в своем доме, которое может обернуться большой бедой для всех. Собственное достоинство и достойные страны - это главное, что ставит он во главу угла. И как предостережение - необычный финал: поднятые на зрителя пошатнувшиеся колонны, как прожектора, которые ослепляют в кромешной тьме и ждут нашего раскаяния. Творчество Шекспира стало высшей точкой мастерства главного режиссера Театра на Юго-Западе, опорой и героиней, и на спектакль с удовольствием идут современные зрители. Аншлаг - награда за нетрадиционное прочтение классики, которую он умело интерпретирует. Как это ему удается, ВАЛЕРИЙ БЕЛЯКОВИЧ рассказывает в интервью с обозревателем «РВ».

- Есть, конечно, такие авторы, которых нельзя переписать никаким образом. Особенно это относится к русской драматургии. Допустим, у того же Гоголя такой язык, что ты не имеешь права добавлять свои словечки. «Горе от ума» Грибоедова тоже нельзя никак переиначивать. В комедиях Шекспира это допускается в определенном смысле, поскольку его произведения относятся к переводной литературе.

- Но вам удается, обращаясь к Шекспиру, сохранить главное в его драматургии - поднять униженных людей.

- Еще Станиславский говорил, играя злого, ищите, где он добрый. Это вообще тема нашего театра - поиск человеческого в человеке, даже в падшем, ведь всегда можно возродиться. Даже «На дне», даже в «Вальпургиеву ночь» или среди брошенных «Собак» - всегда есть какая-то надежда на лучшее. Без нее как жить? Тогда очень уж все пессимистично получается. А у Шекспира в душе любого персонажа, даже Макбета, происходит борьба добра со злом. Образы неоднозначны, бесконечно сложны. Молодым артистам это трудно понять. Нужно прожить целую жизнь, причем быть не раз «битому», чтобы можно было опереться на свой опыт, на свои болезни, на свои потери и разлуки...

- В спектаклях вы дарите зрителям надежду, даете возможность вдохнуть глоток чистого воздуха, которого порой не хватает. Как вам это удается?

- Мне повезло, я как-то сразу понял, что должен заниматься театром. Нашел единомышленников, создал театр, образно говоря, похожий на большую квартиру, куда мы с радостью приходим сами и куда приходят зрители. Часто говорю своим артистам: «Вы Бога должны благодарить за то, что имеете возможность выходить на подмостки. Вы - счастливые люди, вы рот открываете, что-то проповедуете, а на вас смотрят как на богов». Главное - надо больше работать... Отсюда ощущение полноты бытия. Я понимаю, что жизнь сама по себе - бездна. Но когда я прихожу в какой-нибудь другой театр в плохом настроении, вижу, как люди работают, как играют, как танцуют, думаю, а что же я хожу, как старик?

- Говорят, что сегодня в Москве нет политического театра. Но в ваших спектаклях чувствуются некие его элементы.

- Раньше больше чувствовалось, потому что был готов к сопротивлению - я имею в виду попытки сатиры на власть (спектакли «Носорог», «Дракон»). А сейчас это настолько не актуально, насколько литература и журналистика опередили театр в этом направлении, что стало невозможно с ними соперничать.

Мы делаем то, что нужно, на наш взгляд. В результате многие спектакли идут по 10 - 20 лет. Так, «Мольеру» скоро будет 24 года, «Старым грехам» - 25, «Женитьбе» - более 30 лет. Есть, конечно, и много новых постановок. Театр - сиюминутное искусство. Я, например, помню, как играла Фаина Раневская, Лидия Сухаревская, ее муж Борис Тенин. Мертвые живы, пока живые помнят о них. Кино в этом смысле живет дольше, как и книги...

- Каково, на ваш взгляд, состояние современного театра?

- Активное и будоражащее в антрепризном театре и стационарном, домашнем и городском или федеральном. Постоянно идут поиски новых форм и жанров. Я недавно работал в Токио, побывал в других странах и понял, что Москва входит в пятерку самых важ-

ных театральных городов, наряду с Лондоном, Парижем, Нью-Йорком. В московских театрах богатейший репертуар, талантливая режиссура, прекрасные актерские работы.

- А как дела обстоят в провинции? Вы одновременно являетесь художественным руководителем Нижегородского театра комедии.

- Театр построили три года назад. Там я поставил несколько спектаклей из своего репертуара, в частности «На дне», поскольку это родина Горького, «Сон в летнюю ночь», «Дураки», «Трактирщицу»... Пригласил туда Валеру Саркисова работать над «Обломовым», Елену Невежину - над спектаклем «Губы Мики Джаггера», Александра Бармяка - он будет работать над спектаклем «Пигмалион». Получился живой театр, даже покруче Нижегородского театра драмы. Ведь в провинции меньше режиссеров, чем в Москве. Поэтому театры очень часто копируют московские спектакли, у многих из них нет своего лица - это их основная проблема.

- Какой жанр, на ваш взгляд, сегодня больше всего востребован: драма, комедия, мюзикл или еще что-нибудь?

- Сейчас такая жизнь, что все смешалось, и получилась эклектика. Один жанр переходит в другой, сначала становится смешно, а потом хочется плакать - ярчайший гротеск - и вдруг пронзительная боль. Мне это ближе всего, чем одноплановая чернуха под названием драма.

- Что вы можете сказать о появлении новой драматургии?

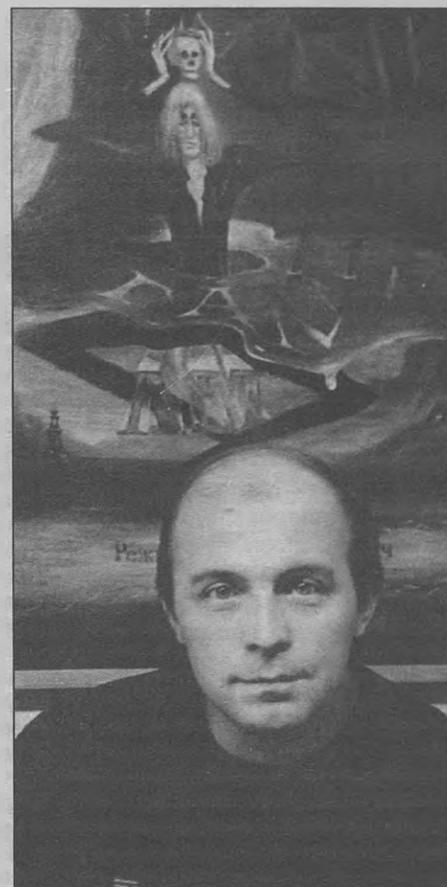
- Если иметь в виду таких авторов, как Михаил Угаров, Вадим Леванов, Петр Гладилин, - это интересное явление. Недавно я прочитал пьесу Ксении Драгунской «Ощущение бороды», задохнулся от восторга - очень талантливо. Мне нравятся пьесы Владимира Сорокина - у нас идут два его спектакля. Ради эксперимента поставили пьесу Олега Шишкина «Анна Каренина-2» - модернизм: пляска на костях Толстого. Я позитивно отношусь к этим авторам: они талантливые люди. Недавно посмотрел спектакль «Трансфер» по пьесе Максима Курочкина - талантливо.

- Это точка зрения режиссера. А как вы думаете, что зрители больше всего любят: классику или новую драму?

- Однозначно классику. Потому что это проверено временем, как хорошее вино. Неизвестно, останется, к примеру, Курочкин в веках или станет очередным Похлебкиным, которого никто и не вспомнит. А классика и есть классика.

- При создании постановок случаются ли с вами мистические или необычные эпизоды?

- Случаются, когда я начинаю работать над новым проектом. Например, при постановке

спектакля «Два веронца» мне стали идти какие-то знаки: вдруг ко мне приехали коллеги из Вероны, появилась реальность путешествия в Милан... Начал готовить «Гамлета» - приехали в Москву датчане, подарили мне редкую книгу... Я расцениваю это как попадание в точку. Обычно не начинаю спектакли, пока не определюсь со сценографией (я - сценограф всех своих постановок). В свое время не знал, как поставить «Мастера и Маргариту»: столько персонажей, столько мест действия... Помню, шел в театре ремонт, ребята понесли на крышу железные листы, и вдруг меня осенило: стоп, сказал я, повесьте их на стену... Вот так родилось оформление.

- Накануне Нового года принято подводить итоги и рассказывать о планах на будущее. Может быть, мы последуем этой традиции?

- Летом у нас были очень сложные гастроли по Японии, после этого я поехал в Токио ставить спектакль «Гамлет» с японскими артистами. Потом мы побывали на гастролях в Корею. Я только недавно приехал, и поэтому моя задача восстановить спектакли и поставить шесть новых премьер, причем я хочу, чтобы каждый артист театра был занят.

- Что вы подготовили к Новому году?

- У нас будет два спектакля: «Встреча с песней» - сатирико-комическое обозрение, 31 декабря у меня моноспектакль, где я буду читать свои рассказы и драматические монологи. И вообще буду один на один со зрителем.

- Вас это не пугает? Или вы можете рассказывать смешные эпизоды из театральной жизни?

- Самое смешное в театре - это оговорки. Я все время борюсь с ними. Вот недавно пришел к нам молодой актер из Ярославского училища, и мы его прозвали Ухойд. Он сейчас играет в «Гамлете», где должен сказать: «Вот я сейчас наливаю в ухо яд». Но он не разделяет слова. Вот и получается смешно.

- Что бы вы хотели пожелать себе, актерам и всем нам в Новом году?

- Желаю спокойствия и равновесия, чтобы жить в гармонии с самим собой, довольствоваться тем, что есть, ценить то, что дано.

Нинель ЩЕРБИНА.

«РВ» ДОСЬЕ Валерий Романович БЕЛЯКОВИЧ

до «Юго-Запада» прошел не один театральный университет. Первым был Театр юных москвичей, где четыре года творчества можно было приравнять к среднему театральному образованию. Вскоре В.Р. Белякович стал одним из ведущих актеров: исполнял роль Николая Островского в драме Ю.Непринцева «Девятая симфония», играл главную роль в спектакле «Обелиск» Г.Мамлина. Потом служил в армии, где возглавлял художественную самодеятельность, играл Дедушку Мороза в подшефных домах пионеров, к столетию другого дедушки - Ленина - поставил юбилейный концерт с театрализованным уклоном. Учился актерскому мастерству у Андрея Гончарова, играл в театре у Юденича. В 1976 году создал свой Театр на Юго-Западе, становление и развитие его шло параллельно с учебой на режиссерском факультете ГИТИСа, который он закончил в 1981 году. Играл Мольера, дон Хуана, героев Чехова, Гоголя, Шекспира. До сих пор совмещает две профессии: актера и режиссера прославленного театра.

Валерий Белякович